

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Евгения Щепетнова
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

НИЩИЙ
НИЩИЙ. ДИКИЕ ЗЕМЛИ

МАНАГЕР

МОНАХ

«ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ»

ЛЕКАРЬ

МАГ

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ

Роман

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Щ56

Серия основана в 2004 году
Выпуск 448

Художник
С. Дудин

Щепетнов Е. В.
Щ56 Монок: Фантастический роман. — М.: «Издательство
АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 346 с.: ил.— (Магия фэнтэзи).

ISBN 978-5-9922-1364-5

Параллельный мир... Как он там оказался? Кто его перенес? И, главное, зачем? Все похоже на Землю — вот только жители поклоняются злему демону, обладают умением колдовать, а по лесам бродят кикиморы и лешие. Трудно придется Андрею в этом мире. Он должен победить Зло... Но как это сделать? Может, подскажет древний дракон? Или объяснят умные книги? Он не знает. А пока что несут его крылья огромного дракона в неизвестность, а маленький дракончик на плече выпускает когти, посверкивая кошачьими глазами и ехидно объясняя человеку, кто в мире хозяин. Его ждут приключения, о которых он и не мечтал, и бывший монах, бывший наемный убийца, должен не просто выжить, но и защитить своих друзей. Получится ли это у него?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Щепетнов Е. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1364-5

Искусственных слез нам хватает, но вроде
Надо плакать, а мы улыбаемся,
Может быть, эти роли нам не подходят
И зря мы так сильно стараемся...

Валентин Стрыкало

ПРОЛОГ

Андрей стоял и смотрел, как над младенцем заносят кривой вороненый нож. Веревка больно врезалась в кисти рук, он попробовал шевельнуться, но чуть не упал — ноги тоже были плотно связаны.

Ребенок заливался плачем, а толпа радостно ревела:
— Бей! Бей! Бей!

Крик ребенка оборвался, и исчадие показал толпе окровавленные руки, потом провел ими по своему лицу, оставляя красные полосы. Все еще громче заревели:

— Саган! Саган! Саган!

В толпе начали срывать с себя одежду, голые прихожане скакали возле алтаря Сагана и совершали неприличные телодвижения.

Затем исчадие повернулся к монаху и сказал:

— Теперь твоя очередь отправиться к нашему Отцу! Ты будешь служить ему, ползать у его ног, вылизывать плевки, проклятый боголюб! Что, страшно, ничтожество? Ну, где твой Светлый Бог, чего он тебя не защищает?

ГЛАВА 1

Утренний колокол как всегда прозвучал в пять утра. Андрей поднялся со своей узкой койки, не позволяя себе валяться ни секунды дольше, чем положено, натянул рясу и поспешил в храм. Обычная утренняя молитва, потом Божественная литургия, и вот уже грядки с огурцами.

Андрею нравилось это послушание в огороде, он выдергивал стебли сорняков, пробивавшиеся из навоза, в котором торчали огуречные всходы, и думал: «Сколько я здесь? Три года? Да, сегодня будет уже три года. Вряд ли кто-то меня ищет — за эти годы сменились правительства, одних олигархов разогнали, появились другие... а я все в этом монастыре. Однако юбилей!»

Он усмехнулся, потом посерьезнел, худое скуластое лицо обострилось, и его мысленному взору снова предстала картина: в прицеле винтовки лицо мужчины, мягкое нажатие на спусковой крючок... голова мужчины разлетается, и брызги крови заливают выбежавшую маленькую девочку, которая смотрит на мертвого отца. Она страшно кричит — ему не слышно крика, только в прицеле видно, как широко разевается ее маленький рот.

Он бросает СВД и уходит с крыши. На душе у него погано, а на его счете в банке прибавится сто тысяч долларов.

Ему нет оправдания, он знал это. Все двадцать лет жизни из тех сорока трех, что пока отпустил ему Господь, он убивал и убивал людей.

Вначале — на войне, на которую попал молодым парнем из глухой деревни.

Ему нравилось в армии — если в деревне ему надо было много работать за грошовую зарплату и в конце концов спиться и сдохнуть где-то под забором, как его отец, то в армии надо было только исполнять приказы командиров и умело убивать людей.

Да и людей ли? Они не были людьми — так, мишени в прицеле винтовки. Ему было интересно: хлоп! — и цель погасла. Как в тире. Подкрался к противнику, резанул ножом по горлу — труп.

Вскоре он достиг большого умения в уничтожении врага, его заметили и послали на специальные курсы — курсы диверсантов. Учили владеть всеми видами оружия, управлять транспортом, уметь маскироваться и втираться в доверие — с одной целью: убивать.

Государству всегда были нужны умелые убийцы, во все времена. Вякнул что-то лишнее журналист — отрезать ему голову. Предприниматель поднял голову — срезать ее. Политик мыслит неправильно, антинародно — сделать так, чтобы больше не мыслил совсем.

А ведь кроме этого есть и личные интересы — ведь столько людей мешают жить! Мешают зарабатывать... Андрей не помнил уже, как и в какой момент стал не солдатом, а наемным убийцей — наверное, с тех пор, как ему начали платить за ликвидации.

В армии все было проще: приказали — убил — выпил — лег спать. Ну и вариации — пожрал, потрахался... Тут же было сложнее — в мирной жизни ликвидатора надо было еще заинтересовать, чтобы работал лучше. И его заинтересовывали.

К сорока годам он обладал круглым счетом в банке, десятью ранениями — восемью легкими и двумя тяжелыми — и грузом воспоминаний.

У него не было ни семьи, ни друзей — он при такой жизни не мог позволить себе завести семью или сблизиться с кем-то настолько, чтобы стать другом. Ведь друж-

ба подразумевает отсутствие лжи, семья — какую-то стационарную точку для проживания, а это приводит к уязвимости и, как следствие, к гибели.

В конце концов за ним накопился такой груз совершенных убийств, что кто-то наверху сказал: «Хватит! Он зажился! Он знает слишком много!» — и его попытались убрать.

О нет! Они научили его слишком многому, чтобы он мог так просто позволить себя грохнуть. Он ушел, уничтожив своих «чистильщиков», вот только и жить как прежде он тоже не мог. Все ждали, что он, любитель хорошего вина, красивых женщин, кинется в бега за границу — благо у него были заграничные паспорта нескольких стран на разные имена, — но Андрей, поразмыслив, поступил по-другому: он ушел в монастырь. Да не в такой монастырь, где рядом были большие города, комфорт и сладкая жизнь, а в настоящий — в тайге, далеко на севере, где монахи действительно думали о Боге, а не притворялись, мечтая во время молитвы о сладкой еде и удовольствиях.

Начал он с самых низов, послушником, а через два года принял постриг. Теперь его звали Андреем. Имя, которое дала ему мать в глухой пензенской деревеньке, осталось в прошлом, имя Андрей пристало к нему так, как будто было всегда связано с его личностью.

Вначале он не предполагал оставаться в монастыре долго — мол, отсижусь, пережду, пока гроза не пронесется над головой, а потом и вернусь в мир. Он не мог даже снять деньги со счета — его могли отследить, вычислить его передвижения.

Наличных ему едва хватило, чтобы доехать до дальнего монастыря, и то на попутках, так как вокзалы и аэропорты были для него закрыты. Убийцу неожиданно легко приняли в монастырь — он представил поддельный паспорт, — люди тут были просты и доверчивы, как и многие в глубинке, выделили келью, в которой он и жил уже три года.

Первое время Андрей посещал молебны, будто выполнял докучливую, но необходимую работу, как в армии, — ну надо так надо. Стой на коленях и повторяй молитву. Днем работай на послушании — копай, таскай, пили и руби.

И только вечером он оставался наедине со своими мыслями, в строгой келье. Не было телевизора, не было Интернета, не было книг — ничто не мешало мозгу перерабатывать всю ту информацию, что скопилась за годы.

То, чему Андрей не позволял вылезать на свет божий, начинало прорываться из-под поставленных им блоков — трупы, убийства, кровь. Он вертелся на постели, но мысли не оставляли его, перед глазами стояли сцены убийств, страшные картины, не оставляющие его ни днем ни ночью. Он не мог исповедаться — не решался. Во-первых: какотреагирует монашеская братия на появление в их рядах такого монстра, исчадия ада? Во-вторых: а если кто-то проговорится? Он боялся навлечь беду не только на себя — ведь могли зачистить и свидетелей, которые его видели и которым он мог что-то рассказать о своих делах на той же исповеди.

Он стал молиться. Он стал истово молиться, чтобы его прошлое не терзало душу, чтобы Бог простил его. Неожиданно для самого себя он глубоко уверовал — видимо, что-то есть такое в этих монастырях, если он, закоренелый убийца, смог понять глубину своего падения... а может, время пришло? Каждый человек, прожив долгую жизнь, начинает задумываться — а правильно ли он жил? И Андрей задумался...

Зазвенел колокол к обеду, Андрей разогнул усталую спину и пошел к бочке с дождевой водой — тщательно отмыл испачканные в земле и травяном зеленом соке руки и побрел в трапезную. После обеда будет недолгий отдых, опять работа на свежем воздухе, в пять часов вечернее богослужение, ужин и снова в келью.

Как всегда перед сном, Андрей встал на колени и долго молился, не обращая внимания на боль в коленях. Он

просил у Бога освободить его от ночных кошмаров, терзающих его последние годы, и простить за совершенные преступления. Но, видимо, этих молитв было недостаточно, так как каждую ночь его преследовали лица убитых им людей, он бежал, прятался от них, но они снова и снова появлялись. Во сне кто-то его хватал, выталкивал навстречу тянущимся ледяным рукам убитых им людей... и он просыпался в холодном поту, потом долго не мог уснуть, а иногда — не пытался заснуть, а становился на колени и молился до утра, повторяя и повторяя слова: «Прости мне, Господи, мои прегрешения!»

Прозвенел колокол ко сну, и Андрей дисциплинированно встал с колен, улегся на узкую жесткую койку, покрытую тонким ватным матрасом, накрылся колючим шерстяным одеялом и усилием воли попытался заснуть. Дисциплинированный, тренированный мозг отреагировал на посыл, и через пятнадцать минут он уже крепко спал.

Снилось ему, будто он лежит на пригорке, обдуваемый теплым весенним ветерком, вокруг чирикают и попискивают птички, щеку щекочет муравей, заползший на него с высокой сухой былинки. Андрей улыбнулся — хороший, приятный сон. Хоть не эти страшные кошмары...

Вдруг он осознал — какой сон?! Он и правда лежит на пригорке! И его вправду обдувает ветерком! Андрей осмотрел себя: он в нижнем белье — белая полотняная рубаха, полотняные штаны вместо трусов, так положено монастырским уставом, и больше ничего нет!

Монах сел и осмотрелся. Вокруг нетронутый лес — голубые ели, поляна, поросшая зеленой сочной травой и оранжевыми цветами... вроде как называются они «жарки», почему-то вспомнилось ему. Жужжали пчелы, и он подумал: «Где-то тут пасека. Надо идти к людям, там и определюсь, куда забросил меня Господь. Интересно, а куда делся монастырь?»

Андрей сделал несколько шагов, скривился — совре-

менный человек давно отвык ходить босиком. Не хватало еще проколоть подошву и получить заражение...

Подумав, снял рубаху и оторвал у нее рукава, засунул в них босые ноги, кое-как примотал оторванными от подола полосками ткани и сделал несколько неуверенных шагов — вроде нормально, теперь можно двигаться.

Осмотревшись, примерно определил: если и есть поблизости населенный пункт, то ниже по реке — внизу неслышимая вода небольшая быстрая речка. Туда и следовало идти.

Через минут десять он доковылял до реки, все время оглядываясь — было странно тихо, настолько тихо, что собственное дыхание слышалось как громкий шум. Не было самолетов, не было никаких следов цивилизации.

Вдруг ему показалось, что снизу по течению послышался крик петуха. Он принюхался — нет, пахло дымом. Монах ободрился и зашагал вдоль реки, обходя коряги и упавшие, заросшие мхом стволы елей. Он прошел около пятисот метров, когда показались первые дома — рубленные из толстых бревен, с крашеными наличниками и высокими козырьками над крылечками. С пригорка ему было видно, как на больших огородах позади домов ползают по грядкам люди. Носившиеся по улице ребяташки, заметив чужака, застыли с открытыми ртами.

Он усмехнулся — и правда дикое зрелище: сорокалетний худой высокий мужик в нижнем белье с оторванными рукавами, из рубахи торчат жилистые руки, перевитые крупными венами, — он как-то на спор ломал, разгибая, старую подкову, найденную в одной из горных деревень Кавказа.

Андрей махнул ребяташкам рукой и сказал:

— Эй, огольцы, где тут у вас телефон? Может, у вас есть? Дайте позвонить, я недолго!

Он решил позвонить в монастырь, номер настоятеля отца Павла он знал наизусть, память у бывшего убийцы была феноменальная, притом его специально тренировали запоминать — нужное умение для диверсанта.

Ребятишки странно посмотрели на него, потом один что-то сказал на непонятном языке — вроде и русский, слова похожи, но понять, что он говорит, было невозможно.

Андрей пожал плечами и пошел дальше, раздумывая: «Куда меня забросило? Или забросили? Опоили, что ли? То ли Сербия, то ли Западная Украина — язык вроде славянский, но не русский, это точно. Ладно, вон церковь видать, спрошу у местного священника, объясню ситуацию».

Солнечные лучи весело играли на золотых куполах небольшой церкви, кресты сверкали на солнце, успокаивая душу. Андрей бодро шагал к зданию, вот только почему-то на душе было тревожно. Он не мог понять, что же его раздражает в этой церкви, что-то непонятное не нравится ему в ней, но усилием воли он заставил себя успокоиться и к храму подошел расслабленным, благостным.

Поднявшись по ступенькам, он вошел в церковь, перешагнув порог и привычно, с поклоном перекрестился. В церкви шла служба, священник — почему-то в ярко-красном одеянии с темными полосами — распевал какие-то гимны, в которых все время повторялось: Саган! Саган!

Он заметил вошедшего и перекрестившегося человека, осекся на полуслове, стих и небольшой хор певчих, и все вытаращив глаза уставились на Андрея. Он удивился — чего так таращиться-то? Ну да, в нижнем белье, ну звиняйте! Так свой же, православный, в нижнем белье, что ли, не видали?

Он еще раз перекрестился на большую икону, и вдруг ему в глаза бросилось... о ужас! Вместо Христа на иконе была изображена мерзкая рогатая рожа — Сатана!

Андрей присмотрелся — крест за алтарем был перевернут. Теперь ему стало ясно, что же так обеспокоило его при виде церкви, — кресты на куполах тоже были перевернуты! «И как это мне сразу не бросилось-то в глаза, просто, похоже, я не мог поверить, мозг отказывался это воспринять, ведь *такого не может быть!*»

«Священник» с амвона указал на него рукой и крик-

нул что-то типа: «Стоять! Не двигаться!», но Андрей с омерзением плюнул в иконы, повернулся и пошел прочь — надо было выбираться из этого вертепа.

«Да куда же я попал, мать их за ногу?! — с отчаянием подумал он. — Что за сатанинский поселок? Сваливать отсюда надо, пока не взяли за задницу! Чую, тут пахнет жареным! А если сейчас не пахнет, то может запахнуть... только вот как-то не хочется, чтобы это был запах меня, жаренного на вертеле...»

Он вспомнил глаза этого «священника» — у того как будто даже челюсть отвалилась от неподчинения чужака, как будто он увидел морского змея.

Андрей не видел, как из дверей «церкви» вылетела толпа прихожан. Только когда они были уже рядом и стали слышны их пыхтение и топот, Андрей обернулся и разглядел своих преследователей.

На первый взгляд они ничем не отличались от обычных прихожан и на второй тоже, вот только не было в них никакой благости, а в руках добрые прихожане держали здоровенные ножи, пригодные чтобы нашинковать не только капустку, но еще и заблудившегося христианина.

— Что вам надо? — спокойно спросил он, надеясь все-таки закончить миром. — Я сейчас уйду, и никому не будет неприятностей. Стойте на месте!

Позади пыхтящей и обливающейся потом паствы появился псевдосвященник. Он повелительно повел рукой, и толпа расступилась. «Священник» начал что-то говорить на «сербском» языке — как понял Андрей, вроде о святотатстве, что ли. Он показал на Андрея, а потом встал в позу, поднял руки над головой, затрясся, закатив глаза, и прокричал несколько слов, из которых Андрей узнал только «Саган! Саган!».

Все с любопытством замерли, как будто ожидали, что сейчас чужака разразит гром или он упадет мертвым. Ничего не случилось, Андрей пожал плечами, сказал:

— Шли бы вы отсюда, нехристи гребаные, — и перекрестил толпу и «священника», благословляя их к походу.

Это подействовало так, будто он облил их дерьмом или помочился на них, — они отшатнулись, их лица искривились от отвращения, а «священник» яростно провизжал что-то и указал на супостата.

Тут же пассивность толпы сменилась яростным порывом, и вооруженные «мачете» отморозки дружно навалились на Андрея. Если бы это были молодые, тренированные ребята — тут бы ему и конец. Спасло то, что это были неспортивные и неуклюжие крестьяне, больше привыкшие махать косой, чем клинками, а потому Андрей легко ушел от размашистых ударов, перенаправив их в соседей — двое тут же оказались на земле, покалеченные своими же соратниками. Один упал от пушечного хлесткого удара в сердце — хотя Андрей и давно не тренировался в рукопашном бое, но умения никуда не делись, а благодаря тяжелому физическому труду на свежем воздухе и здоровому рациону питания он не лишился спортивной формы.

Еще один упал как кегля, еще... руки, ножи мелькали перед глазами, как лопасти вентилятора. Спину ожег удар палкой — гаденьш подкрался сбоку и все-таки достал его, — перехватив палку, монах вырубил негодяя.

На земле лежало уже с десятков противников, когда Андрей заметил бегущих им на подмогу человек двадцать мужиков с вилами и дрекольями и понял: теперь только ноги спасут. Он сбил с ног двух оставшихся сатанистов, прикинул — вроде успеваает, — шагнул к одному из лежащих на земле и стащил с него хромовые сапоги. Этот тип был примерно одного с ним роста — около ста восьмидесяти сантиметров, и размер ноги, по прикидкам, должен быть таким же, как у Андрея. Еще десять секунд ушло на вытрясание придурка из толстой стеганой куртки, и вот Андрей бежит со всех ног вдоль улицы, спасаясь от разъяренных крестьян.

«Слава богу, что я в форме и не гнушался тяжелыми работами, — подумал он, легкими стелющимися прыжками удаляясь от толпы. — Пульс в норме, даже не запыхал-

ся — есть еще порох в пороховницах! Ну ладно, пороха нет, так есть теперь тесак!» Андрей взвесил в ладони этот «хлеборез», осмотрел его на ходу — тесак как тесак, кованный в кузне, не фабричного производства. Так что сказать, где он был сделан, невозможно. То есть страну определить нельзя.

Он бежал все дальше и дальше по проселочной дороге, пока не заметил километрах в пяти от села тропинку, уводящую в лес. Предположив, что это тропа к какому-то зимовью или шалашу косарей, Андрей свернул на нее, опасаясь погони на лошадях. Он всю дорогу так и бежал почти босиком, в импровизированных башмаках из рукавов рубахи.

Присев на пенек, Андрей прикинул по ноге сапоги, снял истертые «башмаки» и натянул трофейную обувь. Потопал ногой — слава богу! — впору. Накинул на плечи куртку, снятую с нокаутированного, а может, мертвого сатаниста, и пошел дальше.

Тропа закончилась через метров пятьсот поляной, за которой просматривалось цветущее поле — похоже, гречишное. На поляне стояли несколько десятков ульев, мало отличающихся от тех, что Андрей видел в монастыре. За ними виднелся небольшой деревянный домишко, имевший вполне мирный вид. Однако, памятуя о событиях, случившихся часом раньше в селе, Андрей направился к домику, зажав в руке нож и будучи настороже — может, и здесь логово сатанистов? Кто знает, что происходит в этой стране... этак и Бабы-яги дождешься — ничуть не более удивительно, чем церковь Сатаны!

Как будто отвечая его мыслям, из домика вышла натуральная Баба-яга, сморщенная, как печеное яблоко, с темным костлявым лицом и тонкими руками, покрытыми пигментными пятнами.

Андрей подумал: «Сколько же тебе лет, старая? И ты, что ли, сатанизмом пробавляешься?»

Баба-яга поманила его рукой, сказала что-то — видимо, предложила заходить. Он вошел в полутемные сени,

шагнул в избу и опять, увидев в красном углу закрытые занавеской образа, совершенно не думая, на автомате, широко перекрестился на них.

Бабка вздрогнула, закрыла рот рукой, схватилась за сердце, потом погрозила ему пальцем и что-то сказала. Оглянулась, проворно задернула занавески на окнах и только потом раздвинула покровы в красном углу.

Андрей с облегчением увидел образа — немного отличающиеся от тех, которые он видел раньше в своей жизни, но вполне узнаваемые и родные. Он еще раз перекрестился на них и поклонился иконам.

Бабка подошла к нему, наклонила его голову и поцеловала в лоб. По ее щекам катились слезы, она что-то прошептала и указала ему на стул. Сама села напротив за столом и стала что-то спрашивать, настойчиво повторяя и указывая на куртку. Андрей развел руками — не понимаю, мол. Старуха досадливо крикнула, потом обратила внимание на его руку, на которой красовался здоровенный синяк — видимо, кто-то в свалке все-таки зацепил палкой, а он и не заметил. Она захлопотала, побежала к русской печи, достала оттуда чугунок, пододвинула из-за занавески деревянное корытце, налила туда воды и стала промывать Андрею его ссадины и царапины. Наконец все царапины были промыты, старуха заставила Андрея снять рубаху и внимательно осмотрела его, что-то сердито приговаривая и бесцеремонно поворачивая вправо-влево. С интересом коснулась шрамов — два были пулевые, от них остались небольшие звездчатые пятнышки, три ножевые — тоже не спутаешь ни с чем... провела по ним пальцем и опять что-то спросила, покачивая укоризненно головой.

Неожиданно она насторожилась и, выглянув в щель между занавеской и рамой, поманила гостя пальцем — смотри, мол! Он нахмурился — по тропе, метрах в двухстах от дома, спешили на лошадях, вооруженные уже саблями и копьями («Почему копьями?! — удивился Андрей. — Из музея поперли, что ли?»), давешние его обид-

чки. Бабка показала на него пальцем, типа — тебя ищут? Он кивнул и огляделся, ища, куда бы спрятаться. Старуха подхватила, вытащила откуда-то иконы, на которых он заметил изображение нечистого, с отвращением плюнула на них, перекрестилась на образа Бога и прикрыла их богомерзкой доской. Задвинула занавеску, схватила Андрея за руку и поволокла из дома, как трактор, с неожиданной для такой старой бабки силой.

Возле дома была длинная, крытая соломой землянка — видимо, в ней зимой держали пчел, она так и называлась — пчельник. Старуха открыла дверь и толкнула Андрея внутрь — иди! Затем показала ему — прикройся там, мол, и сиди! Потом захлопнула дверь и умчалась, дробно топая ногами по тропинке.

Андрей усмехнулся — шустрая старушенция, интересно, сколько ей лет? Осмотрелся в темноте — глаза уже немного привыкли, а через щели в двери просачивались небольшие лучики света — и присел в дальнем углу, навалив на себя какую-то пыльную рогожу и обломки ульев. Было неприятно, за шиворот сыпалась труха и мышинное дерьмо, однако лучше быть в дерьме, но живым, рассудил Андрей. В первый раз, что ли? И в сортире, в выгребной яме приходилось отсиживаться, по сравнению с тем случаем этот — просто курорт.

Дверь в зимник распахнулась, послышались голоса, стало светло, затем легла какая-то тень — как будто в дверном проеме кто-то стоял и, наклонившись, пытался рассмотреть землянку изнутри. Наконец дверь опять захлопнулась, и вновь стало темно.

Андрей перевел дух и выпустил рукоять ножа, которую сжимал так, что рука побелела от напряжения. Он усмехнулся — отвык от таких стрессов, спокойная и размеренная жизнь монастыря расслабила, пора уж снова превращаться в убийцу... вот только пора ли? Ему стало тошно. И захотелось, чтобы все это безумие было лишь кошмарным сном и он снова бы проснулся в своей тесной полутемной келье.

Сколько прошло времени, он не знал, наверное, минут двадцать или чуть больше. Дверь снова распахнулась, и раздался голос старухи. Он не понял, что она сказала, и на всякий случай не стал покидать свое убежище.

Бабка, крихтя, прошла вниз, сдернула с него рогожу и показала — пошли, мол. Андрей облегченно стряхнул с себя мусор и выбрался наружу.

Солнце, уже склоняющееся к горизонту, ослепило его яркими лучами — после темного подвала он никак не мог проморгаться, — и глаза заслезились. Пока протирал, рядом образовался старик, такой же древний, как и старуха, спрятавшая его в зимник. Он что-то резко спросил у старухи и осуждающе покачал головой. Она ответила, отмахнулась от него и показала Андрею — пошли к колодцу, мыться надо — и сняла с его головы паутину и труху.

Вот так начал свою жизнь в новом мире бывший убийца, потом монах, потом неизвестно кто — Андрей Бесфамильный. Бесфамильный — он всегда усмехался, читая это у себя в паспорте. Какой-то идиот из Управления не придумал ничего лучше, как дать такую фамилию человеку с фальшивой родословной, фальшивым именем и фальшивой жизнью. Может быть, он считал, по своей глупости, что такая фамилия будет меньше привлекать внимания? А может, наоборот, ему претил этот конвейер убийств и он хотел привлечь внимание к этому человеку? В любом случае — Андрей никогда не использовал документы с такой фамилией, и вот поди ж ты, она всплыла в его памяти как родная.

Уже месяц он жил у старика со старухой. К ним редко кто наведывался — сезон меда только начался, за продуктами они ходили в лавку сами, а если все же появлялся гость, Андрей прятался по кустам или в пчельник. Он понимал, что долго это продолжаться не может и нельзя подвергать стариков опасности — если его тут увидят, найдут, то не миновать расправы: мало того что он осквернил храм Сагана, перекрестившись и плюнув в его

иконы в знак презрения, так еще и убил двух прихожан. Бесполезно говорить, что убит лично им только один, а второй пал от рук своего поделщика, когда Андрей вернулся от тесака, — все равно это результат его действий.

Во все окрестные деревни были разосланы ориентировки — высокий, худощавый бородатый мужчина с длинными черными с проседью волосами, связанными на затылке в хвост.

На всякий случай Евдокия — так звали старуху — побрила ему голову налысо, и от бороды он избавился, теперь скоблил щеки ножом каждый день. Подобрали ему из гардероба деда Пахома старые вещи, крепкие, почти ненадеванные.

За это время Андрей узнал об этом мире все, что можно было узнать, от стариков, проживших в деревне Лыськово всю жизнь. Начал он, конечно, с языка и через неделю вполне сносно изъяснялся на славском языке. Язык чем-то напоминал старославянский — не зря ему показалось, что похоже на сербский язык, вот только тот был более современен, а потому его было легче понять. Много было и неизвестных слов — возможно, что эти слова позже были утрачены. Вернее, то, что они обозначали, стали обозначать другими словами, и даже значение многих слов изменилось, некоторые вполне произносимые слова стали в будущем даже ругательствами... Сложнее было с алфавитом — эти каракульки, букашки вместо привычных букв приводили Андрея в замешательство. Но через три недели он уже мог, с трудом, правда, читать молитвенник. Что еще можно было добиться от старика со старушкой? Они сами-то были полуграмотные...

Теперь, после того как овладел языком, Андрей мог уже расспросить — что же тут такое происходит, в самом-то деле, почему вера в Бога преследуется, как на Земле преследуется сатанизм, и даже гораздо беспощаднее, и где, в каком мире он вообще находится?

После долгих расспросов и уточнений он сумел сложить кое-какую картину: это была вроде и Земля, но

Земля, как будто застывшая в раннем Средневековье, отставшая от его Земли на сотни, а может, и на тысячи лет. Впрочем, даже не так. Она не отстала, прогресс просто остановился. Не одобрялись никакие нововведения, никакие новые технологии — только то, что было на момент... на момент чего? Что произошло в определенный момент, какое событие, после которого цивилизация застыла?

Он решил оставить это на потом — старики все равно не могли сказать ничего вразумительного. Его интересовал главный вопрос: как так оказалось, что по стране стоят церкви Сатаны?

Выяснилось: много лет назад, старики и не знали, сколько именно лет, появились исчадия. Это были избранные темной силой люди, наделенные способностью воздействовать на людей — они могли убивать словом, превращать в бессловесных рабов. Никто не мог противостоять им. Те, кто не хотел принимать веру в черного бога, или уходили в леса, или убивались исчадиями, приносились в жертву. Церкви Светлого Бога захватывались, священники уничтожались — для исчадий не было лучшей жертвы, чем служитель Светлого, они говорили, что это особенно угодно Сагану.

Был ли Саган тем самым Сатаной? Этого Андрей не знал. Самое главное было то, что все, что было свято и правильно для людей его мира, здесь подвергалось поруганию. В храме проводились богохульные и нередко кровавые службы, на которых приносились в жертву люди, и очень часто — дети. Люди продавали своих детей, чтобы их приносили в жертву, и радостно наблюдали, как их убивают на алтаре, восхваляя Сагана.

Поклоняющиеся Светлому Богу остались, но они глубоко законспирировались, образа Бога передавались из поколения в поколение вместе с верой, и их, верующих, становилось все меньше и меньше.

В тесных общинах, где все на виду, жить без того, чтобы не участвовать в оргиях сатанистов, было невозможно — Андрей даже подумал, что эти деревеньки надо во-

обще сносить, настолько они были пропитаны духом нечистого. В городах положение было полегче — трудно уследить, ходит человек на моления или нет. Поэтому дух вольнолюбия и христианства там сохранился больше, хотя и выжигался каленым железом.

Худшее, что услышал Андрей, — сатанизм стал государственной религией. Он поддерживался властью имущими, насаждался ими, все богатые люди или были исчадиями, или же истово им служили. Проповедовался культ силы: если ты богатый, если ты могущественный, ты можешь делать все что угодно, разумеется, при условии, что это не входит в противоречие с интересами Сагана и его прислужников. Законы существовали, да. Но все они были направлены на то, чтобы сатанистам легче было управлять людьми, — бедные и слабые являлись, по сути, кормушкой для богатых.

Конечно, были ограничения — соблюдалась видимость законопорядка, бедный, обиженный богатым, мог обратиться за праведным судом к власти, но неизменно выходило так, что виноват бедный. И он прощался с имуществом, а то и с жизнью. Для этого всегда находился повод — кто-то видел, что этот человек плевался на храм Сагана или вел хулительные разговоры по пьянке... результат был один — «преступник» заканчивал жизнь на жертвенном алтаре. Поощрялись наркотики, пьянство, разврат — растленным народом легче управлять, легче держать его в узде.

Как-то ночью он долго думал над тем, почему оказался тут, и версии у него были разные. Первое, что пришло в голову, — может, его сослали сюда, как в ад? За все его прегрешения...

А может, это испытание? Сможет ли он в этом аду выдержать и остаться человеком, христианином?

Может, его задача умереть, сделаться мучеником, чтобы потом попасть в рай? Но он не хотел пока что умирать, не собирался... по крайней мере, не забрав с собой кучу

врагов. Он уже пожил в собственном аду и не сдался, не дал себя убить, почему тут он должен капитулировать?

И главная версия, которую он никак не хотел допускать в свою голову: он послан, чтобы изменить этот мир, чтобы противостоять Сатане, чтобы уничтожить Сатану.

Смешно — ну как, как он может это сделать? Один против всего мира Зла, без пушек и пулеметов, без каких-то умений, против исчадий, которые могли убить просто словом «умри!» — и человек падал замертво. Что он мог сделать?

Кстати сказать, вот эта «экстрасенсорика» исчадий его сильно заинтересовала, а еще больше тот факт, что он до сих пор жив. Ведь «священник»-исчадие в самом деле пытался воздействовать на него своей злой силой, но для него это было как осенний ветерок — только холод по коже, и все. Может быть, до тех пор, пока он верит в Бога, он защищен против исчадий? Господь дал ему способности, каких нет ни у одного из обитателей этого мира? Может быть, и так. По крайней мере, ему хотелось в это верить.

Через месяц он засобирался уходить. Нельзя было подставлять старика со старухой — они были хорошими людьми. И их гибель легла бы тяжким грузом на его душу. Он так нарисовался тут, в Лыськово, что каждый встречный тут же узнал бы его и сдал исчадиям. А уж их точно заинтересовало бы — что за человек такой попался, почему это на него не действует злое колдовство и не будет ли Сагану угодно принесение в жертву такого интересного человека.

Он мог затеряться только в большом городе. И такой город был не очень далеко: в ста километрах от Лыськова, а назывался он Нарск. По словам стариков, в нем людей было видимо-невидимо, после долгих расчетов и расспросов он с удивлением узнал, что в Нарске живет не менее ста тысяч человек, а может, и больше. Все-таки он попал не совсем в Средневековье — тогда столько людей не жило по миру. Из Нарска ходили караваны по всему материку, торговали всем, в том числе и рабами.

Рабство тут было в порядке вещей — кстати сказать, люди, которых он видел в огородах, когда только появился в этом мире, были рабами. Это его не удивило — если уж наркотики в ранге положенного, то уж рабство само напрашивалось как закон жизни. На Кавказе он не раз освобождал рабов, работавших на богатых хозяев, — обычно взрывал дом современного рабовладельца, бросив туда несколько гранат...

Итак, однажды ночью он покинул гостеприимных стариков. Евдокия всплакнула, перекрестила его, а Пахом крепко обнял и сказал:

— Держись. Не дай исчадиям себя убить. Зря, что ли, мы старались, прятали тебя? Нас, боголюбов, осталось мало, береги себя. Иди с Богом!

Он помахал им на прощание и двинулся в путь. Идти Андрей решил ночами, чтобы не привлекать к себе внимания. В котомке у него было два каравай хлеба, кусок сыра, кусок копченого мяса, кресало, чтобы разжигать огонь, тыквенная фляга и тот самый тесак, который он отобрал у сатанистов. По его расчетам, через трое суток он должен был достигнуть конечной цели своего путешествия.

Ночи были прохладные, и Андрей спасался быстрой ходьбой, а также курткой, которую снял у убитого им сельчанина. Утром он останавливался на отдых где-нибудь подальше от тракта и спал под широкими лапами елей, на толстой подушке из иголок.

Как-то, закутавшись в куртку и засыпая, он подумал: «А может, действительно, это мне наказание такое? Может, Господь говорит — отправляйся к себе подобным! всю жизнь ты служил Сатане, вот тут тебе и место, а не в монастыре!» От этих мыслей ему стало грустно и одиноко. Не радовали ни шелест деревьев, ни пение птиц, ни теплое прикосновение солнечных лучей к коже. Неприятно и горько чувствовать себя никому не нужным человеком, от которого отвернулся даже Бог...

На третий день он попал в беду. На него набрели охотники за рабами.

Он уже знал, что таких в этом мире хватало, они объединялись в шайки и искали добычу на пустынных дорогах — хватали одиноких путников, а потом продавали в рабство на рынках городов. Старики особо его предупреждали по поводу такой беды, и все-таки он не смог избежать неприятностей.

Обнаружили его совершенно случайно, Андрей успел проснуться, когда они подошли, но это уже не имело значения — скрыться не получится, ему оставалось только или бежать, или драться.

Ловцов людей было четверо. Здоровенные сытые мужики, вооруженные огромными тесаками — те служили в этом мире и плотницкими топорами, и оружием, и ножами для повседневных нужд. Кроме того, у охотников за рабами была сеть, которую набрасывали на жертву.

Сейчас воспользоваться сетью они не могли, так как Андрей лежал под елью — мешали ветки, но и шанса убежать работорговцы давать ему не собирались, обступив дерево со всех сторон.

— Эй ты, вылезай оттуда, — насмешливо сказал рыжий мужик лет сорока, — все равно же достанем! Попался так попался! Теперь ты наш. Если сразу не вылезешь, будут неприятности, покалечить не покалечим, все-таки ты товар, но больно будет, это точно. Слышишь, что ли? Давай, говорю, вылезай!

— Щас вылезу... только дайте с духом собраться, — угрюмо буркнул Андрей. — А может, кого-нибудь еще поищите? Как-то не хочется мне с вами дело иметь!

Разбойники заржали:

— Ну насмешил! Смешной какой раб! Может, его шутком сделать? Отрежем ему уши, рот разрежем, татуировки сделаем — и продадим богатым, они любят веселых шутов! А что, Антип, и правда, может, отвести его к татуировщику, он его украсит, больше денег возьмем?

Андрей прервал их веселые рассуждения о том, как на него нанесут аэрографию, дабы он выглядел более пре-

зентабельным при продаже, и выкатился из-под ели, держа в руке нож-тесак.

Конечно, с мачете бандитов его железка сравниться не могла — короче чуть ли не в два раза и тоньше, но их мачете висели на поясах, а его нож был у него в руке.

Первым движением Андрей резанул отточенным лезвием по внутренней поверхности бедра рыжего предводителя — просто тот оказался ближе к нему, обратным движением подрезал подколенные сухожилия у второго.

На ногах осталось двое. Один из них, державший сеть, ловко кинул ее на катающегося по земле Андрея — тот лишь чудом увернулся, иначе его участь была бы предрешена.

Андрей вскочил на ноги, автоматически перебросил нож из руки в руку и побежал на оставшихся двух бандитов, страшно крича и вращая глазами — чтобы устроить и внести смятение в их души.

Тот, что с сетью, видимо, был опытным бойцом и не отреагировал на его психическую атаку, а вот второй подался назад, зацепился ногой за поваленное дерево и чуть не упал, потеряв равновесие. Андрей воспользовался этим и длинным выпадом воткнул ему нож в бок, сразу отпрянув и встав в боевую стойку.

Бандит с сетью посмотрел на стонущих порезанных соратников, на убитого и миролюбиво сказал:

— Ну все, все, давай разойдемся. Вижу, мы выбрали не тут цель. По тебе же не скажешь, что ты воин, думали, бродяга какой-то. Давай не будем доводить дело до конца, а?

— Я бы не доводил, но, понимаешь, какое дело — я ненавижу рабовладельцев.

Еще не закончив фразу, Андрей сделал выпад и ткнул клинком в лицо бандита, тот не ожидал такой прыти, выронил тесак и зажал лицо руками — из-под его ладоней обильно потекла кровь, собираясь ручейком на подбородке и капая на землю. Андрей сделал еще выпад, и бандит упал с распоротой шеей.

Подобрал бандитский тесак и пошел к лежащим на земле подрезанным бандюкам. Опытным глазом определил: «Этот уже покойник, вон сколько крови вылилось — наверное, бедренную артерию рассек. А этот... этот остался бы хромым... если бы я позволил». Он коротким движением рассек череп скулящего и ползающего по земле бандита, тот задержался в конвульсиях и умер.

Андрей присел, прислонившись спиной к одинокой березе, приبلудившейся в этом еловом лесу, и, глядя на трупы, задумался: «Что, неужели я возвращаюсь к временам, когда я был хладнокровным убийцей? Мне это понравилось, то, что я убил этих идиотов? Вроде нет. Хотя определенное чувство удовлетворения у меня есть. Они служили Сатане, пусть, может быть, не осознанно, но служили, а потому — я сделал все правильно. Правильно? Да, правильно. Я освободил мир хоть от небольшого количества скверны. И что теперь? Я так и буду освобождать мир от скверны? Путем убийства? А почему нет? Выжигать скверну каленым железом, искоренять сатанизм и его пособников — разве это плохая дорога?»

Андрею после таких мыслей сразу стало легче. Все-таки какой-то путь вырисовывается, какой-то смысл жизни, кроме того что эту самую жизнь надо тупо сохранить. А почему тупо? Умно сохранить. И нанести воинству Сатаны как можно больше вреда.

Он выбрал подходящего по росту бандита, снял с него штаны, рубаху, куртку — они были гораздо более приличные, чем у него, он был одет действительно как бродяга в обноски Пахома, слишком ему короткие. Сапоги оставил — сапоги у него были хорошие, с зажиточного лыськовца. Обшарил трупы — нашел несколько серебряных монет, медяки, а у рыжего даже два золотых. Это его очень обрадовало — хотя Андрей и обходил все населенные пункты по широкой дуге, но в конце концов он придет в город, а там надо будет питаться, где-то ночевать, пока удастся найти какую-то работу. А он хоть и монах, но питаться молитвами еще не научился.

Собрав окровавленную одежду, Андрей пошел искать речку — впрочем, чего было ее искать, когда она протекала над горой, возле тракта, внизу. Подождав, когда проедут две подводы с мешками — наверное, мука или зерно, — он рысцой пересек тракт и спустился по обрыву, выбрав место, где его не было видно с дороги.

Выполоскав и отстирав пятна крови — благо, что она не успела как следует свернуться и потому сделать это было несложно, — Андрей отжал шмотки и, оглядываясь по сторонам, снова поднялся в лес. Отойдя километров десять от места боя, он разложил мокрую одежду на солнышке, а сам облегченно завалился спать, забравшись в густой колючий кустарник — что-то вроде терновника. Теперь подобраться к нему было непросто. Уже когда он засыпал, в голову ему стукнула мысль — какого черта он не обшарил окрестности вокруг места драки — бандиты ведь, скорее всего, передвигались верхом! Вот что значит человек двадцать первого века, определил, что машина здесь не пройдет, а о лошадях даже не подумал.

Он встрепенулся — пойти сейчас туда, что ли? А если кто-то нашел трупы? А вдруг там люди, вдруг на кого-то нарвешься... зачем ему это? В седле он держится фигово... Да черт с ними, с этими лошадьми! Раньше надо было думать. С тем он и уснул.

Проснувшись под вечер и выбравшись из своего тернового куста, Андрей первым делом ощупал выложенную для просушки одежду — она была сухая и чистая, теперь можно было, не обладая особой брезгливостью, натянуть ее на себя, что он и сделал, оставив стариковские обноски для мышей. Андрей посмотрел на солнце, уже касающееся горизонта, на тихий лес и зашагал по дороге. Сегодня он рассчитывал дойти до Нарска, переночевать опять в лесу, а утром, когда откроются ворота, войти в город.

Выглядел он уже более или менее прилично, от Лыськова, где было много желающих с ним по квитаться, отошел довольно далеко, так что опасаться ему особо было нечего.

ГЛАВА 2

К Нарску Андрей подошел перед рассветом.

Он мог бы войти в город, но что ему было делать ранним утром на пустынных улицах, когда все еще спят, а магазины и лавки закрыты? Он должен найти работу, какую — еще не знал. Что он умел лучше всего? Хм... полоть сорняки на огуречной грядке. Носить воду и рубить дрова. Драться и убивать людей.

«Невелик выбор! — усмехнулся он. — Или грязная тупая работа, или возврат к своему черному прошлому. Вот только наемным убийцей я больше не буду. А кем тогда? Ну можно пойти в армию... есть же у них армия, в самом деле? Видимо, есть. А если тебя пошлют собирать людей для принесения их в жертву на алтаре Сатаны, пойдешь? Взбунтуешься? Тут тебе и конец. Кстати, а кто меня возьмет в армию-то, я же не умею фехтовать на мечах или саблях. Идти в рекруты, с молодыми парнями... стремно как-то. А СВД мне вряд ли выдадут, «калашников» тоже. В телохранители податься? А кто меня возьмет телохранителем — я же никто и звать меня никак. Кто доверит свою жизнь никому не известному мужику? Ладно. Там видно будет. Пока что надо переждать несколько часов, до тех пор пока город проснется».

Андрей зашагал к ближайшему лесу, на вид не сильно загаженному.

Впрочем, оказалось, это впечатление было обманчиво, и он долго искал незагаженный участок: как всегда и везде, горожане мало заботились о чистоте предместий и выкидывали мусор где попало.

Обозлившись, он выматерился и решил все-таки переночевать на постоялом дворе. Денег у него было мало, но не валяться же в строительном мусоре, собачьем дерьме и лошадиных яблоках?

Постоялый двор он обнаружил недалеко от городских ворот. Купцы или просто приезжие, не успевшие попасть в город засветло, могли переночевать здесь за небольшую

плату. Впрочем, Андрею плата небольшой не показалась, и снять комнату на несколько часов за два серебряника он отказался.

После недолгой торговли ему было предложено спать в конюшне, на сеновале за три медяка. Дорого, конечно, но делать было нечего, и вскоре он уже лежал на втором этаже огромной конюшни, подложив себе под голову охапку сена.

Внизу фыркали лошади, пахло конским потом и навозом, и запах этот почему-то показался ему таким уютным и успокаивающим, как будто он был в родном доме. Огромные животные переступали копытами, всхрапывали во сне, уснул и Андрей, утомившись за время ночной многокилометровой прогулки.

Проспал он часов пять, затем резко, как по команде, вскочил, отряхнулся и пошел к лесенке, ведущей вниз.

На постоялом дворе кипела жизнь — суетились мальчишки, таскающие воду лошадям и на кухню, купцы, проспавшие ранний выезд, покрякивали на конюших, запрягающих лошадей.

Андрей, не обращая внимания на суету, направился к воротам Нарска.

Стотысячный город был окружен мощной крепостной стеной, построенной скорее всего очень давно. Еще ночью Андрей заметил, что ворота крепости были открыты, но не очень удивился — может, просто устал, чтобы об этом думать, и хотел спать. Теперь же он вспомнил этот факт.

Из книг он знал, что на ночь крепости обычно закрывали ворота, с тем чтобы открыть их в определенное время утром, пропуская всех за пошлину. Тут и пошлины никто не взимал — все проходили свободно.

Вот только смотрели стражники на каждого входящего в город и выходящего из него очень внимательно. Андрей решил, что эти ворота что-то вроде КПП, служащие для того, чтобы фильтровать поток людей. Он взял себе

это на заметку — пройти через КПП незаметно было практически невозможно.

Он миновал стражников беспрепятственно, наряд охраны ощупал его внимательными взглядами, но его заурядная внешность не вызвала никаких вопросов. Его волосы отросли, трехдневная борода ничуть не отличалась от таких же бород каких-нибудь возчиков или разнорабочих, в общем — обычный сорокалетний мужик, потерявший жизнь.

Улицы города были вымощены брусчаткой, и на них было довольно чисто. Скоро Андрей понял почему — на каждом перекрестке он видел людей, подметающих, чистящих, моющих. Приятно удивился — он ожидал от Средневековья грязи, вони, отсутствия канализации, чумы и мор, а тут вот что... моют мостовую, понимаешь... Потом присмотрелся — а люди-то в железных ошейниках... и клеймо на щеке. Его передернуло — вот и он бы так же вскорости выскребал и надраивал мостовые... И улицы уже не казались ему такими великолепными и достойными подражания. Лучше бы воняли...

Вокруг суетился народ — толкали свои тележки зеленщики, с грохотом проезжали крытые повозки и кареты, сверкающие позолотой, с важными, как крысы в «Золушке», кучерами на облучках. Они щедро рассыпали по улице удары кнута, стараясь зацепить как можно больше прохожих, как будто от этого зависел их социальный статус.

Прохожие молча или с руганью уворачивались от кнута и колес — степень возмущения зависела от статуса проезжающего и наличия охраны в кильватере кареты. Обложив матом важного господина, можно было получить и саблей вдоль спины — такой случай произошел буквально на глазах Андрея. Кучер одной золоченой кареты с громадными, в рост человека колесами ударил кожаным кнутом прохожего, несущего корзину с овощами, за то, что тот недостаточно быстро уступил ему дорогу.

Прохожий скривился от боли и прикрыл и кучера, и карету с «разъезжающими богатыми уродами» великолепно

ной матерной тирадой. Тут же налетела конная охрана богатея, и мужика забили саблями — слава богу, хоть плашмя, а не посекали остриями. Однако и этого хватило. Мужчина остался лежать на мостовой, обливаясь кровью, без сознания, а его товар из корзинки расхватили с хихиканьем оборванцы из ближайшей подворотни.

Люди равнодушно шли мимо лежащего на мостовой мужчины — ну сдох и сдох, что с того? Завтра и мы сдохнем... какое нам дело? Один из оборванцев подбежал и стал шарить по карманам и за пазухой лежащего, тут уже Андрей не выдержал и, подойдя сзади к мародеру, с силой врезал ему сапогом в копчик — тот взвыл от боли и улетел под ноги своим соратникам, где и приземлился вполне благополучно, возможно, сломал одну из своих мерзких ручонков. Шпана в подворотне, как и в мире Андрея, стала «возбухать»:

— Эй ты, козел! Че ты тут распоряжаешься?! Парня зашиб, придется заплатить за ущерб!

Андрею было противно смотреть на их мерзкие рожи, он подумал: «Шакалята, попались бы вы мне где-нибудь на войне... — на куски бы порезал паскуд!»

Потом лицо его просветлело — а что, не на войне, что ли? Он шагнул к ним, на ходу доставая здоровенный тесак, но ублюдков как ветром сдуло, как только из-за пазухи показалась рукоятка оружия. Эти порождения улиц прекрасно знали, когда выступать, а когда смываться.

Холодная ярость отступила, Андрей вернулся к лежащему на мостовой мужчине и услышал, что тот постанывает. Заниматься с ним Андрею было некогда — он и так припозднился из-за своей ночевки, за которую отдал аж три медяка, потому решил: «Оттащу его с проезжей части к стене дома, посидит, оклемается да и пойдет по своим делам».

Так он и поступил, однако не успел повернуться и уйти, как услышал за спиной хриплый голос:

— Постой, уважаемый! Не уходи! Помоги мне дойти до дома, я боюсь, что меня снова ограбят и избыют, по-

моги! Я заплачу тебе! Пять медяков! Серебреник! Серебреник дам! Только доведи... — Мужчина закашлялся и стал заваливаться на бок.

«Деньги с него брать, конечно, грех, — подумал Андрей, — но и бросать его тут, рядом с этой шпаной, еще больший грех. Опять меня испытывает Господь? Так и придется тащить... весь перемажусь в крови, мать его за ногу...»

Он вернулся к полулежащему у стены дома мужчине — того уже, пока Андрей раздумывал, вырвало на мостовую.

— Да ну что за день начался! — с отвращением буркнул Андрей. — Мне только блевотины еще не хватало! Цепляйся за шею, аника-воин, и показывай, куда идти.

Стараясь не обращать внимания на вонь, исходящую от пострадавшего, на кровь, заляпавшую его куртку, он поднял мужчину, перекинул его руку через свое плечо и пошел вперед, под разочарованными взглядами уличной шпаны, держащейся в почтительном отдалении.

Мужчина тяжело дышал, и его все время тошнило. Андрей уверенно определил — тяжелое сотрясение мозга. Да и немудрено, если вспомнить, как по его голове истоиво дубасили саблями охранники «олигарха».

Идти пришлось довольно долго — минут сорок, не меньше, пострадавший старался передвигать ноги, но глаза его закатывались, и он время от времени норовил потерять сознание.

Наконец они дошли — мужик ткнул пальцем в вывеску «Серый кот».

Это было какое-то питейное заведение, и, ввалившись в него вместе с раненым, Андрей, как и ожидал, увидел стойку бара, деревянные столы с поцарапанными лакированными крышками, людей, поглощавших какую-то еду и пивших пиво из глиняных кружек.

То, что это было пиво, Андрей определил сразу — в воздухе витал густой запах пролитой пенистой жидкости, знакомый ему по многочисленным пивным на Зем-

ле. Этот запах нравился ему — запах хлеба, запах хмеля, запах... мужской компании.

Он любил иногда отправиться в народ — пойти в какую-нибудь забегаловку, где продавали разливное пиво, и пить его, заедая сушеной воблой с красной горьковато-соленой икрой, слушая разговоры раскрасневшихся мужиков, обсуждающих последний футбольный матч, проклятых пиндосов, сующих нос не в свое дело, и продажных поляков, давших разместить пиндосские ракеты у нас в прихожей.

Такие выходы в народ были для него чем-то вроде релаксации, после них он возвращался в свою берлогу как будто подзарядившимся — ему казалось, что вроде как даже у него есть какие-то друзья, с которыми он может выпить, поговорить не только о ликвидациих и деньгах, а обо всем, что придет в голову.

Не раз и не два такие посиделки или «постоялки» заканчивались дракой — кто-то наезжал, кому-то не нравилось, что собутыльник болеет за «Спартак», а не за «Динамо» — но все было безобидно, без поножовщины, так, мордобой на уровне «Ты меня не уважаешь!». Это его забавляло тем больше, что он каждый раз успевал свалить до появления милиции, практика, умение не пропешь.

Вот и эта пивнушка была вроде тех «Зеркалок», «Штанов» и «Красненьких», в которых иногда зависал. Значные места частенько имели свои, народные имена: «Зеркалка» — кафе «Зеркальное», «Штаны» — кафе без названия, между двух сходящихся улиц, на острие их, «Красненькое» — из красного кирпича сложено...

Навстречу ввалившейся в пивнушку парочке грозно шагнул вышибала, парень лет тридцати, может, конечно, ему было и меньше, но из-за многочисленных шрамов и повреждений на лице трудно определить. Увидев, кого внес на себе вошедший, он закричал:

— Матрена, скорее сюда, тут Василия принесли! Побитый весь! — Потом обратился к Андрею: — Кто его? Грабители?

— Нет. Охрана какого-то важного чина. Кучер его кнутом перетянул, он и обматерил их.

— Я ведь ему говорила, я ему говорила — не связывайся! Сдерживай язык! — Дородная румяная женщина средних лет всплеснула руками и распорядилась: — Несите его в комнату, сейчас я его отмывать буду. Похоже, рана на голове.

Андрей и вышибала потащили раненого за барную стойку, где за бочками, бутылками и мешками виднелась дверь в подсобное помещение. За ней оказался длинный коридор, приведший их к нескольким комнатам, располагавшимся справа и слева. В одну из них было внесено тело несчастного бунтаря и уложено на постель.

Через полчаса Андрей сидел за столом в пивной, ел горячее рагу из баранины со специями, запивал холодным шипучим пивом, ласково пощипывающим нёбо, и размышлял о превратностях судьбы: «Еще три года назад я легко прошел бы мимо валяющегося на тротуаре заблеванного мужика — его беда, его проблема, зачем вмешиваться? А после монастыря стал мягче, как-то потек, что ли... Не привело бы это к непредсказуемым последствиям. Этот мир не любит мягких и добрых. Василий даже не сомневался, что я помогу ему только из-за денег... Тут не принято помогать просто так. Не проколоться бы на этом... если будет предлагать деньги — надо брать. Маскироваться и еще раз маскироваться — помни, что ты здесь чужой, ты здесь враг! Любой неверный шаг — и ты труп. Хорошо хоть, что смыл с себя блевотину... а все равно какой-то кислый запах остался».

Андрей поморщился, отхлебнув пива.

— Что, плохое пиво? — заботливо спросил вышибала, подсевший за его столик. — Да вроде только вчера новую партию свежесваренного привезли, не должно было прокиснуть.

— Нет, отмывался-отмывался, а вонь все равно осталась, — посетовал Андрей. — Как кружку правой рукой подношу к губам, так сразу блевотину чую!

— Хе-хе... блевотина, она такая! Не сразу отмоешь! Ты сам-то откуда будешь? — перешел к делу вышибала, видимо решив, что они уже познакомились: раз блевотину обсудили — считай, дружбаны!

— Я? — Андрей мысленно выругался: болван, легенду не отработал! — Я с юга пришел. Работу ищу в городе.

— Работу? А что делать умеешь? — сразу переключился на животрепещущую тему вышибала. — Тут с работой в городе не очень-то хорошо, всю хорошую горожане делают. Пришлых только на грязную работу берут. И дорого все тут — комнату снять очень дорого. Хорошо вон, хозяин предоставляет жилье. Мы в комнате вдвоем живем, с конюхом Ефимкой. Василий с Матреной живут, они повара. А хозяина щас нету... он к вечеру приходит, смотрит, чтобы порядок был. Его Петр Михалыч звать. Поговори с ним, может, пристроит куда-нибудь, он так-то дядька неплохой, тоже не без придури, правда, но разумный дьяхан. И это... смотри, по улицам ночью не болтайся. Можешь или к охотникам за рабами попасть, или тебя исчадия заберут для принесения в жертву — у нас в городе не любят одиноких бродяг.

— А чем бродяги так насолили исчадиям? — вскользь, нарочито равнодушно поинтересовался Андрей.

— Хм... ну они ходят зря... бездельники. А Сагану нужны новые жертвы, чтобы спасти человечество. Да ну ты сам же знаешь, — облегченно засмеялся вышибала, — подкалываешь меня! Кстати, меня Петька звать, а тебя?

— Я Андрей. Скажи, Петя, а что, неужели больше нет работы в городе? Только грязная?

— Ну-у-у... можно в армию пойти. Сейчас вроде войны нету, будешь сопровождать важных людей да разгонять бунтовщиков, тех, что против власти Сагана бунтуют. Только тебя сразу-то в армию не возьмут, вначале обучать будут полгода. Ниче хорошего — будешь сидеть в казармах днями и ночами да по плацу скакать. Муштра одна. Хм... есть еще одно — можешь пойти на Круг.

— А что такое Круг?

— Да ты че? Не знаешь, что такое Круг? Откуда же ты пришел? У вас там Кругов нет? — Вышибала недоверчиво прищурился и стал внимательно разглядывать Андрея.

— Петь, я издалека, из глухой деревеньки, сажал да полол, по огороду ползал. Я и не знаю про круги какие-то. Наломаеться за день, придешь — и спать. Какие там круги!

— А чего же сюда подался? Чего дом-то бросил? Грядки-огород? — продолжал подозрительно исследовать Андрея вышибала.

— У нас мор был, умерло полдеревни, чума какая-то... я и сбежал в город, тут искать пропитания.

— А-а-а... бывает. Видно, у вас против Сагана были выступления, вот он вас и наказал. Ну ладно. Расскажу. Круг — это когда пойманных еретиков выпускают на круглую площадку, а с ними бьются избранные бойцы. Бойцам за это платят деньги, за то, что они убивают еретиков. Они против Сагана бунтовали, вот и страдают. Я тоже работал бойцом в Кругу, — похвастался вышибала, — пока один еретик чуть меня зрения не лишил, гад, злобный попался. Правда, я все равно его убил, боголюбца мерзкого, но решил после — больше не буду в Круге биться. Лучше вышибалой пойду. Денег поменьше, зато спокойно. Выкидывай из трактира подгулявших гостей да сиди в углу, девок разглядывай! Безопасно, весело, сытно.

У Андрея встал в глотке кусок, и он стал сосредоточенно его запивать, проталкивая внутрь. Подумал: «Нет, а что я хотел от мира, где правит Сатана? Было это все уже — первых христиан кидали на арену и травили львами. И тут то же самое».

— Скажи, а какой резон этим еретикам драться с тобой? Вот тот еретик, что тебе чуть глаза не выдрал, он чего на тебя так кидался? Зачем им драться вообще?

— Ну как зачем, своих детей, жену защищают — их же тоже выпускают на арену. Я как его жену и детей подрезал, он на меня и кинулся. Думал, убьет, вроде худой был, вот как ты, а столько силы оказалось. В вас, худых, сила

таится, сразу не увидишь, а когда начнешь бороться, иногда и не сладишь. Вот помню, как-то пришел один наемник в трактир, стали мы с ним на руках тягаться...

Андрей слушал болтовню вышибалы, окаменев как скала, и думал: «Если сейчас воткнуть тебе нож в глаз, ты, гаденыш, сильно будешь верещать? Господи, дай силы сдержаться! Если сейчас я его положу, мне отсюда надо будет бежать. Но ведь как хочется прирезать ублюдка! Он и сам не понимает, какой он подонок... ведь казалось бы — простой парень, даже незлобивый, но ведь тварь! Нет, твари — они Божьи, они не убивают ради развлечения, только люди это могут. А ведь я не сильно от него отличался...»

— ...Ну вот, это и есть Круг — важные господа сидят, смотрят, делают ставки — сколько продержатся еретики. И простой народ пускают, там есть кассы — принимают ставки, сколько минут продержатся. Один мой родственник как-то целую кучу денег выиграл на одном еретике, бывшем вояке, как оказалось! Он трех бойцов положил, прямо голыми руками, пришлось его исчадиям убивать. Напустили на него чуму, он так и сгнил на Кругу — покрылся черными язвами, и все хулу на Сагана кричал, чего-то про Бога, про веру... Мы так смеялись — лежит гниет, а все про Бога своего болтает! Не помог ему его Бог! Ну да ладно, ты доедай, а я пойду проверю, как там Василий, да надо уже за залом смотреть. Народ собирается, вечером вообще шумно будет. Дождись Петра Михалыча, он што-нить придумает.

Вышибала ушел, а Андрей сидел над остывшим горшком с мясом — есть ему расхотелось. «Как мог образоваться такой мир, в котором все перевернуто с ног на голову? — И усмехнулся. — Ты же сам жил перевернутый, чему удивляешься? Тому, что тут нет морали? Или такой вот, походя, жестокости и подлости? Что, на Земле такого нет? Ладно, надо укрепиться тут — обживусь, приму решение, как мне жить. Неужели тут все вот такие подонки, как этот парень?»

Он посидел еще некоторое время — может, час, может, два, он не замечал течения времени, погрузившись в подобие транса. Прикрыв глаза, он молился и просил Бога наставить его на путь истинный. К концу своих размышлений Андрей пришел к выводу, что послан в этот мир очистить его от скверны. И очистить так, как он умел это делать, — убивать. Выжигать каленым железом скверну. Иначе зачем он тут?

— Ты Андрей? Петька мне сказал, что ты ищешь работу, это так? — Перед Андреем стоял невысокий полноватый человек лет пятидесяти, с седыми, зачесанными назад и покрытыми чем-то вроде масла волосами. Его маленькие умные глаза внимательно обшаривали худую фигуру монаха, как будто оценивая — много ли на нем мяса и пойдет ли оно в котел. — Что умеешь делать? Поварить? Конюхом?

— Я мало что умею, — признался Андрей, — могу помогать поварам, нарезать, мыть, могу прибираться или помогать конюху. Я быстро учусь. Могу на повара выучиться. Мне нужны работа и жилье, и я готов отработать.

— Хм... по крайней мере, честно, не наврал, — приятно удивился хозяин трактира. — Обычно начинают врать, рассказывать о том, какие они знатные повара и управляющие. Потом оказывается, что заправку-то для щей нарезать не умеют. Ну что ж, таких честных людей, как ты, надо ценить. Я возьму тебя разнорабочим, будешь помогать поварам. Таскать воду, рубить дрова, в общем, делать что скажут. В конюшню тебя не допущу — пусть конюх сам занимается, это его работа, а ты по кухне и по залу будешь работать. Жалованье тебе — серебряник в день, плюс питание. Жить будешь... хм, есть у меня комната, маленькая, правда — только кровать и встает. Так что будешь жить один. Это все вещи, что у тебя есть? — Он указал на тощую котомку Андрея.

— Да... как-то не обзавелся еще вещами. Вернее, бросил дома.